

2-17
Дорогой
Алиант
приветом с
соседино из перлю
Д.А. Андерс

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

На правах рукописи

УДК 935.4

ДАНДАМАЕВА Мариям Магомедовна

ГРЕКИ В СЕЛЕВКИДСКОЙ И ПАРФЯНСКОЙ ВАВИЛОНИИ
(Взаимодействие греческой и вавилонской культур)

07.00.03 – Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва

1988

Работа выполнена в ордена Ленина Государственном Эрмитаже.

Научный руководитель — доктор исторических наук,
старший научный сотрудник
Н.Б.ЯНКОВСКАЯ

Официальные оппоненты — доктор исторических наук,
профессор И.С.СВЕНЦИЦКАЯ
— кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
И.С.КЛОЧКОВ

Ведущее учреждение — Институт востоковедения Академии наук
Армянской ССР

Защита состоится "___" _____ 1988 г. в _____ час. на
заседании специализированного совета (Д.002.98.01) по защите
диссертаций на соискание ученой степени кандидата историчес-
ких наук при Институте всеобщей истории АН СССР (117036,
Москва, ул.Дм.Ульянова, 19).

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете
Института всеобщей истории АН СССР.

Автореферат разослан "___" _____ 1988 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат исторических наук

О.В.ВИШЛЕВ

Греческое господство в Вавилонии было одним из последних звеньев в длинной цепи чужеземных династий, правивших страной. Однако история Переднего Востока, богатая столкновениями разных племен и народов, да и история древности вообще, знает немало случаев, когда бы и завоеватели, и покоренное население обладали высокоразвитой и при этом столь различной культурой. Поэтому взаимоотношения греков и вавилонян, которым на протяжении нескольких веков пришлось жить в одной стране, и взаимодействие их древних культур представляют особый интерес. Изучению этих вопросов благоприятствует состояние источников по селевкидской и парфянской Вавилонии: весьма скудные по сравнению с более ранними периодами истории этой страны, они гораздо богаче и разнообразнее материалов из других областей государства Селевкидов и Аршакидов и в равной степени освещают жизнь и греческого, и местного населения. Особое внимание к проблемам контактов греков и вавилонян обуславливается еще и тем, что благодаря им вавилонская наука и культура, усвоенная и переработанная греками, оказала воздействие на последующее развитие культуры Востока и Запада.

Актуальность работы обусловлена тем, что до сих пор нет специального исследования о греках из селевкидской и парфянской Вавилонии, которое бы учитывало данные и клинописных, и грекоязычных источников. Были собраны лишь сведения о греках, упомянутых в клинописных текстах из селевкидского Урука (Г.Х.Саркисян), однако клинописные документы, изданные за десятилетие, прошедшее после выхода в свет работы Саркисяна, значительно расширили поле деятельности просопографиста. Грекоязычный же материал, гораздо более богатый, чем клинописный, с этой точки зрения практически не исследовался. Специалистов

по селевкидской Вавилонии обычно интересовало не столько положение и образ жизни греков в этой стране, сколько степень воздействия греков на институты и культуру вавилонян (хотя и здесь нет еще специального исследования). Однако следует учитывать, что греческое господство в Вавилонии было лишь элементом в серии военных, культурных и языковых контактов, происходивших между народами Переднего Востока. Ассирийские цари из страха перед восстаниями постоянно перетасовывали пеструю колыду подвластных им народов. Миграционное движение, добровольное и принудительное, усиливается в ахеменидскую эпоху: границы между народами Передней Азии, если не рухнули окончательно, то приоткрылись, и эпоха эллинизма лишь расширила рамки этого явления, вовлекая в него и Запад. Совсем по другому обстояло дело для жителей материковой Греции, не знавших над собой чужеземной власти и не господствовавших над другими народами, а следовательно, не имевших до походов Александра широких контактов с иноземцами (кроме греческих колонистов). Вавилония при Селевкидах продолжала жить привычной жизнью, лишь по необходимости приспособлявая свои обычаи к изменившимся условиям, сами же завоеватели были пересажены на совершенно новую почву; поэтому важно рассмотреть не только характер воздействия греков на вавилонян, но и их собственный образ жизни среди чуждого населения.

Научная новизна. Исследование селевкидской и парфянской Вавилонии традиционно идет по двум направлениям, почти не пересекающимся между собой: изучение вавилонских городов ассириологами — с одной стороны, греческих эллинистами — с другой. В поле зрения ученых при этом находятся либо греческие, либо клинописные источники. Такой подход нередко приводит ко взаи-

моисключающим выводам о значении греков и их культуры для селевкидской и парфянской Вавилонии. Источники по эллинистической Вавилонии скудны, но в то же время разнообразны, поэтому необходимо объединить их. Предлагаемая работа и представляет собой одну из первых попыток в этом направлении.

Цель и задачи работы. Цель работы состоит в установлении характера взаимоотношений греков и вавилонян в селевкидское и парфянское время, а также сферы взаимодействия их культур. В связи с этим в задачи исследования входит рассмотрение двух аспектов проблемы: греки в Вавилонии и Вавилония при греках. Для этого, с одной стороны, предполагается восстановить историю пребывания греков в Вавилонии, их образ жизни, обычаи и культурные традиции, контакты с местным населением, с другой — греческие элементы в жизни вавилонского общества и влияние вавилонской культуры на греческую, а также изменения, произошедшие в жизни греков и вавилонян после установления в стране парфянского владычества.

Результаты исследования.

I. В селевкидской Вавилонии центрами греческой культуры были греческие полисы, вавилонской — вавилонские храмовые общины. И греческая, и вавилонская культуры в селевкидской Вавилонии были культурой узкого круга людей, так как ни греки, ни вавилоняне не составляли большинства жителей страны, и их немногочисленные города окружала масса арамеизированного населения, растворение среди которого угрожало обоим народам. Условием существования полиса и общины были их автономия и привилегированное положение в государстве Селевкидов, приводившие к обособленности и греков и вавилонян от прочих жителей страны.

2. Одним из результатов существования полиса и вавилонской храмовой общины стало сохранение традиционной культуры. Культура и греков, и вавилонян была консервативна, так как и те, и другие стремились сохранить верность старине. Однако это же позволяло поддерживать "чистоту" культурной традиции.

3. Храмовые общины в селевкидской Вавилонии были различны по своей структуре и месту в государстве Селевкидов. Урук представлял собою соединение города и храма, храмовая и гражданская власть там не были разделены и противопоставлены, поэтому община Урука может быть названа гражданско-храмовой. Община же Вавилона оставалась просто храмовой и, возможно, подчинялась эпискату-греку. Нет никаких оснований говорить о существовании в селевкидском Уруке или близ него греческого полиса.

4. После уничтожения парфянами привилегий греческих городов и вавилонских храмовых общин греки и вавилоняне постепенно растворяются среди окружающего населения, при этом вавилонская культура исчезает, послужив субстратом культуры Месопотамии первых веков новой эры (которая была в основном арамейской).

5. Вследствие резкого различия в культурном уровне греков и парфян греческая культура широко используется завоевателями, что, однако, свидетельствует не о филэллинских настроениях парфян, а прежде всего о заимствовании ими налаженной греками системы администрации и управления. Греческая культура и в парфянское время остается культурой высших слоев общества.

6. Временем широкого распространения греческой культуры в Вавилонии стал не селевкидский, а парфянский период.

7. Греческий язык был в селевкидское время языком администрации и делопроизводства, в парфянское же он, оставляя за собой эти функции, становится *lingua franca* Вавилонии, конкурируя в этом с арамейским языком.

8. Аккадский язык в селевкидское время продолжает служить в качестве разговорного в вавилонских храмовых общинах и гибнет с гибелью храмовой общины. Аккадский язык, возможно, пережил клинописную систему письма, свидетельством чему служат тексты *Graeco-Babyloniaca*, представляющие собой транскрипцию клинописных текстов греческими буквами. Составителями табличек *Graeco-Babyloniaca*, по всей видимости, были не греки, как обычно полагают, а вавилоняне, которые транскрибировали трудные уже для чтения клинописные тексты.

9. Контакты между греками и вавилонянами в селевкидское время были ограничены; однако можно наблюдать взаимовлияние греческой и вавилонской культур в следующих областях: делопроизводство, астрономия, астрология, язык и письменность, искусство.

10. В соприкосновении греков и вавилонян берущей стороной были греки, перенявшие то из культуры вавилонян, что представлялось им интересным и полезным. Заимствование не было механическим и служило основой для дальнейшего развития греческой науки и культуры. Заимствование же элементов греческой культуры вавилонянами было более поверхностным и пассивным, и контакты с греками не привели к серьезным изменениям в культуре вавилонян.

Хронологические рамки работы. Период от начала походов Александра Македонского и до завоевания Римом Египта (30 г. до н.э.) обычно называют эпохой эллинизма. Однако для изуче-

нии истории поздней Вавилонии существенно деление на селевкидский и парфянский периоды, так как именно на рубеже перехода от одного к другому происходят наиболее важные перемены в жизни и культуре греков и вавилонян. С другой стороны, в конце I в. до н.э., когда определяются границы римского владычества на Востоке, в Вавилонии не происходит заметных перемен. В документах из Дура-Эвропос (самых поздних текстах, обнаруженных на территории парфянской Вавилонии) весьма сильное римское влияние ощущается только в конце II – начале III вв. н.э. (по-видимому, после введения в город римского гарнизона). На этом периоде мы и закончим свое изложение.

Источниками работы послужили произведения греческих, римских и византийских авторов, греческие надписи и документы, найденные на территории Вавилонии, а также клинописные тексты: хроники, частно-правовые контракты, эпиграфические памятники. В ходе исследования привлекался археологический материал.

Методология и методика исследования. Методологической основой исследования служат высказывания классиков марксизма о культуре древнего Востока. Методика исследования состоит в комплексном изучении и сопоставительном анализе источников по селевкидской и парфянской Вавилонии.

Практическое значение работы. Результаты работы могут быть использованы в преподавании на исторических факультетах при подготовке курсов по истории и культуре эллинизма.

Апробация работы. Основные выводы и материалы работы изложены в двух статьях и в докладах, прочитанных автором на заседаниях отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и трех приложений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении изложены цели и задачи работы, раскрыта ее актуальность и новизна, сделан обзор литературы и источников.

Глава I – "Греки и местное население Вавилонии в селевкидский и парфянский периоды".

Раздел I. "Греки в Вавилонии".

В работе составлена просопография греков, живших в селевкидской и парфянской Вавилонии. Большинство греков из Вавилонии, упоминаемых в произведениях античных авторов, – философы и ученые. Нарративные источники, таким образом, свидетельствуют о существовании в поздней Вавилонии греческой философии и науки. Однако все упомянутые персонажи происходят из Селевкии и других греческих городов, которые, по-видимому, в селевкидское время становятся оазисами греческой культуры в Вавилонии. Причем культура вавилонских греков в селевкидское и раннепарфянское время была частью общеэллинской культуры и имела неизмеримо больше общего с далекими Афинами, Александрией или другими греческими городами, чем с расположенными по-соседству вавилонскими общинами. Нельзя сказать, что в культуре греков из Вавилонии совсем не заметно следов вавилонского влияния, например, в сфере астрономии или астрологии, но ведь это влияние распространялось на всю греческую культуру. Возможно, греческой культуре Вавилонии принадлежала роль посредника, и греческие ученые, такие как астроном Селевк или астролог Тевкр, служили (наряду с эллинизированными вавилонянами, как Берос или Судин) одним из промежуточных звеньев между вавилонской и греческой наукой и культурой.

Греки жили не только в основанных Селевкидами полисах, но некоторые из них проникали в самую глубь страны, в города

древней и традиционной культуры. В клинописных хозяйственных текстах из селевкидского Урука (конец III – вторая половина II в. до н.э.) упомянуто 18 греков. Анализ этих документов показывает, что присутствие греков в селевкидском Уруке в значительной степени отличается от предыдущих этапов греческой колонизации и от колонизации греками некоторых других частей Вавилонии. Греки, на протяжении веков даже на чужбине старавшиеся сохранить чистоту своей культуры и обычаев, теперь практически растворились среди чуждого им народа: ведь участвуя в деловой жизни урукитов, живя бок о бок и вступая в браки с ними, греки шли к неизбежной ассимиляции с местным населением.

Значительное число греков из Вавилонии известно нам благодаря греческим документам и эпиграфическим памятникам, найденным в Вавилоне, Селевкии на Тигре и в некоторых других городах. При всей скудости нашего материала поражает одна черта греческих надписей из Вавилонии: в них нет ничего вавилонского. Такие же декреты и посвящения, как в Вавилонии, можно встретить в любом греческом городе, находившемся за сотни и тысячи километров от нее. Имена персонажей – греческие и македонские, жизнь городов, отраженная в надписях, – обычная греческая, полисная жизнь. Единственная надпись, свидетельствующая о связи греков и вавилонян, – это так называемая эпиграфия из Вавилона: "Аристей, другое имя которого Арду-белти". Второе имя Аристей – вавилонское (слуга Белти). Слова "другое имя которого" – греческая калька с аккадского выражения, а это значит, что Аристей (или составитель надписи) был знаком с аккадским языком. Таким образом, официальная жизнь греков в Вавилонии была греческой, в неофициальной же сфере существовали разнообразные контакты с местным населением.

Большинство греческих надписей и документов было обнаружено при раскопках в Дура-Эвропос. Эти тексты охватывают период с начала II в. до н.э. до III в. н.э. и дают редкую возможность восстановить картину жизни города на протяжении многих веков. Подавляющее большинство памятников относится уже к I–III вв. н.э., т.е. к тому времени, когда окончательно иссякают урукские клинописные тексты, все более скудными становятся свидетельства греческих авторов, и надписи и документы из Дура-Эвропос остаются едва ли не единственным источником по истории Вавилонии первых веков новой эры. Просопографический анализ памятников показывает, что ядром населения Дура-Эвропос даже в парфянское время остаются несколько греко-македонских семей, которые, по всей видимости, были потомками первых колонистов. Арамейские имена женщин в этих семьях – это, скорее всего, имена жен первых колонистов, продолжавшие употребляться в ономастике их потомков на протяжении веков. Однако раз взяв в жены местных женщин Дура, греки, вероятно, долгое время старались не вступать в тесные контакты с коренным населением и не рождались с ним. С уничтожением территориальных и социальных границ между греками и местными жителями в парфянское время смешанные браки должны были происходить все чаще, что в конце концов привело к неизбежному результату: люди, старавшиеся сохранить внешние черты греческой культуры (имена, язык, обычаи), по сути дела, давно уже не были греками. Однако старые македонские семьи вплоть до конца II в. н.э. стремились подчеркнуть статус и древность своего рода, приводя как можно больше имен предков и оговаривая свою принадлежность к "гражданам Эвропоса" не только в официальных документах, но даже в надписях на воротах и укреплениях. Браки тоже заключались в

узком кругу семей и даже между близкими родственниками. Причиной таких браков, по-видимому, было стремление сохранить чистоту своего рода, обособиться от прочих обитателей города и не делить имущества, принадлежащего семье. Однако, несмотря на все усилия, ориентализация этих семей увеличивалась медленно, но верно, в то же время некоторые черты греческой культуры (имена, язык) усваивались широкими слоями негреческого населения города. Ориентализация греков и их последующее растворение среди негреческого населения были неизбежны, но тот факт, что еще во II в. н.э., т.е. более чем через четыре века после основания города, ядро греческих семей Дура-Эвропос, состоявшее из потомков первых колонистов, продолжало существовать, показывает, сколь живучи были традиции полисной, греческой жизни.

Особый интерес представляет почетный декрет на греческом языке (110 г.н.э.), найденный недалеко от храма бога Гареуса в Уруке. Эта надпись, более чем на 200 лет отстоящая от последних урукских клинописных документов, свидетельствует о разительных переменах, происшедших в городе, так как она не носит никаких следов урукского влияния. Судя по этому, практически единственному письменному памятнику из Урука первых веков новой эры, город постигла судьба Дура-Эвропос: сохранение внешних черт греческой культуры при арамеизации населения.

Раздел 2. "Эллинизированные жители Вавилонии".

Одним из проявлений греческого влияния на население старых вавилонских городов было заимствование греческих имен местными жителями. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют проследить это явление лишь на примере Урука. Урукиты давали своим детям греческие имена начиная со второй половины III в. до н.э.; чаще всего греческие имена встречаются

в текстах первой половины II в. до н.э. В документах фигурируют урукиты с двойными (греческими и вавилонскими) именами. Однако в целом степень эллинизации урукитов была невелика: судя по опубликованным клинописным текстам, носители греческих имен составляют менее одного процента населения города. Греческие имена отнюдь не были монополией верхушки урукского общества, как полагает, например, Эльснер. Напротив, среди представителей древних урукских кланов такие имена практически не встречаются. Исключением служит семья правителя города Ануубаллита-Кефалона из рода Ахуту, эллинизация которой, по всей видимости, объясняется политическими причинами.

Вопрос о том, из кого состояли круги, продолжавшие и в селевкидское время пользоваться клинописью, уже более 40 лет обсуждаются в научной литературе. А.Эмар полагал, что клинопись была в употреблении лишь у членов храмового персонала, верных языку и законам предков. По мнению Г.Х.Саркисяна, персонажи клинописных документов — это члены гражданско-храмовой общины, образовавшейся в результате слияния гражданской части города с верхушкой храмового персонала. Исследователь полагает, что члены общины, не зависящие от храма, но связанные с ним по традиции, в отличие от прочих жителей Урука имели ряд привилегий, в частности, право пользоваться клинописной нотариальной системой письма при заключении сделок и были освобождены от уплаты налогов в царскую казну. В состав общины, по мнению Саркисяна, в селевкидское время входили и греки. Л.Дотти, отрицавший существование в Уруке гражданско-храмовой общины, доказал, что сделка облагалась налогом в зависимости от вида собственности, являвшейся объектом продажи, а не от социального статуса контрагентов. Сделки, не облагавшиеся нало-

гом, могли регистрироваться в клинописи, если того желали контрагенты.

Вопрос о существовании в селевкидском Уруке коллектива, названного Саркисяном гражданско-храмовой общиной, сегодня нуждается в некотором уточнении. По-видимому, храм и община в селевкидском Уруке не были разделены. Храм, как видно из клинописных текстов селевкидского времени, находился в центре общины, все население города группировалось вокруг него и так или иначе зависело от него. При этом, как и повсюду, одни жители Урука были полноправными гражданами общины, другие — неполноправными. Употребление в клинописных текстах выражений "храмы", "город Урук", "город храмов" и просто "Урук" как абсолютных синонимов дает основание полагать, что Урук представлял собою единство города и храма, тем более, что его глава концентрировал в своих руках гражданскую и храмовую власть. Правитель Урука (*ša rēš āli*) назван главой храмов и храмового собрания, должность же управляющего храмами (*šatammu*), стоявшего в предыдущие эпохи во главе храмового собрания, в текстах из селевкидского Урука не встречается.

Администрация Вавилона была гораздо ближе к традиционной: во главе храма и храмового собрания стоял *šatammu* (управляющий), но засвидетельствована и должность правителя города (*ša muḫhi āli*), соответствующая, по всей видимости, урукскому *ša rēš āli*. Из письменных источников явствует, что и греческий полис, и храмовая община Вавилона имели свою собственную администрацию, но храмовая община Вавилона, в отличие от урукской, возможно, подчинялась эпискату-греку.

Сложен вопрос о положении греков в гражданско-храмовой общине Урука. Несмотря на то, что они, несомненно, принадлежа-

ли к привилегированным кругам жителей города, многие области внутренней жизни храмов для них были закрыты (так, недоступно было право на приобретение пребэнд).

Судя по урукским клинописным контрактам, население города было весьма однородным в этническом отношении, даже рабы по большей части носят аккадские имена. Поэтому арамейская ономастика в надписи из храма Гареуса, датированной II в.н.э., объясняется скорее передвижением населения в первые века новой эры, чем наличием еще в селевкидском Уруке значительного числа арамеев.

Большая часть собранного в работе материала характеризует население четырех городов: Селевкии на Тигре, Дура-Эвропос, Урука и Вавилона. В главе II рассмотрена история этих городов и некоторые вопросы взаимоотношений греков и местных жителей.

Глава II — "Город в селевкидской и парфянской Вавилонии и взаимоотношения греков с местным населением".

Селевкия на Тигре и Дура-Эвропос были греческими полисами; полис, основателем которого считался Антиох Эпифан, существовал и на территории Вавилона. По количеству греческих городов Месопотамия превосходила все прочие области Селевкидской империи. Полисы, как правило, основывались рядом с местным поселением, однако в селевкидское и раннепарфянское время греки жили обособленно от его коренных жителей. Практически речь шла о двух находившихся по-соседству общинах, носивших разные названия, примером чему, вероятно, может служить Дура-Эвропос.

Местное население страны уже в селевкидское время не было вавилонским, вавилонскими оставались лишь некоторые города в южной части страны, такие, как Урук и Вавилон. При этом в Вавилоне греки и коренное население жили обособленно, одни —

в соответствии с полисными традициями, другие — с обычаями вавилонских городов. Признаков эллинизации в клинописных текстах из Вавилона встречается очень мало, вопрос же о степени эллинизации Урука представляет особый интерес. Автор согласен с ван дер Спеком в том, что топоним "Антиохия на канале Иштар", встречающийся в урукском тексте 271 г. до н.э., — это греческое название Урука. По-видимому, в правление Антиоха I (в честь которого, скорее всего, и был назван город) Урук попал в поле зрения Селевкидов: в это время в городе проводятся административные реформы и, вероятно, тогда же там появляются первые греки-чиновники. Однако во всех прочих клинописных текстах селевкидского времени, на оттисках греческих печатей и даже в произведениях античных авторов город назван Уруком. Греческий топоним не прижился, по-видимому, потому, что в Уруке, в отличие от Дура-Эвропос или Селевкии на Тигре, не было греческого полиса или политевмы, к которому бы он относился. Предположение Л.Доти о существовании близ Урука греческого полиса Антиохии с греческой политической структурой и юридической системой звучит парадоксом, так как единственный известный нам текст из этого "полиса" составлен в клинописи, а персонажи его — урукиты, известные и по другим контрактам. Утверждение же М.Ростовцева о том, что Урук стал в селевкидское время полугреческим городом и значительная доля его деловой жизни была сосредоточена в руках греков, имеющее сторонников до сих пор, не находит подтверждения в источниках, так как по подсчетам Доти из 535 документов урукского корпуса греки являются контрагентами лишь в девяти (не считая сделок жены Ану-убаллита-Кефалона Антиохиды). Судя по изданным клинописным текстам селевкидского времени, греки составляли ме-

нее одного процента всего населения Урука. Что же касается греческих по мотивам и исполнению печатей, оттиски которых в большом количестве были обнаружены в Уруке, то подавляющее большинство из них — официальные печати царских чиновников и свидетельствуют лишь о том, что урукиты платили налоги в государственную казну. Таким образом, пока нет оснований говорить о высокой степени эллинизации Урука, а также о существовании в городе или близ него греческого полиса.

Г.Х.Саркисян давно уже заметил, что в селевкидской Вавилонии существовало два типа социальных образований, неодинаковых по своему происхождению и историческому развитию, но схожих по структуре и статусу в империи Селевкидов: греческий полис и вавилонская храмовая община. Все четыре города, рассмотренные в работе, относятся к одному из этих образований. Как было организовано остальное население Вавилонии, нам не известно. По-видимому, значительную часть этого населения составляли арамеи и ассимилировавшиеся с ними вавилоняне: для греческих и римских авторов этнонимы "ассирийцы", "сирийцы" и "арамей" были синонимами. Иосиф Флавий и Посидоний, которые заслуживают в этих вопросах особого доверия, так как они происходили из областей, весьма близких к Вавилонии, прямо заявляют, что "сирийцы" и "арамей" — это название одного и того же народа, а именно "сирийцы", по свидетельству того же Иосифа Флавия, составляли местное население Селевкии на Тигре в I в. н.э. Об арамейском происхождении коренных жителей Дура-Эвропос говорят имена его жителей, в частности, ономастика жен первых колонистов. Однако субстратом местного населения Селевкии и Дура-Эвропос, по-видимому, были вавилоняне. В других городах Вавилонии тоже, вероятно, обитали арамеи. В Вави-

лонии жили также персы, иудеи, позже парфяне. В первые века новой эры туда проникают пришельцы с Аравийского полуострова, из Пальмиры и некоторых других городов этого региона. Внутренняя история Вавилонии была, по-видимому, полна распрей между разными этническими группами. Причем разногласия эти не сводились к конфликтам между греками и парфянами или к борьбе тех и других с коренным населением страны. Иосиф Флавий говорит о вражде и открытых столкновениях между иудеями и вавилонянами, объясняя их разницей законов этих народов. По-видимому, той же причиной можно объяснить многие трения и раздоры, происходившие между разными народностями, населявшими позднюю Вавилонию: каждый народ имел свои законы и обычаи и во что бы то ни стало хотел сохранить их. Для греков средством сохранить свои обычаи стал полис. Характерные черты и судьба греческого полиса в империи Селевкидов были рассмотрены в работах Г.А.Кочеленко, И.С.Свенцицкой и других советских исследователей. Полис для греков стал средством устоять среди "варварского" окружения, его функция состояла в поддержании греческих социальных, политических и культурных устоев, условием его существования было автономное и привилегированное положение, связанное с обособленностью от прочего населения страны. Разрушение социальных границ, происшедшее после отмены привилегий полисов в парфянское время, способствовало расширению контактов местных и греческих культур. В результате активизации этих контактов внешние черты греческой культуры продолжают сохраняться, но сами греки постепенно растворяются среди окружающего населения. В текстах первых веков новой эры часто невозможно определить этническую принадлежность носителей греческих имен и языка.

Для немногочисленного уже собственно вавилонского населения страны средством сохранить свою этническую принадлежность и культуру была храмовая община с ее традиционными институтами. При всех отличиях социально-политической структуры Урука и Вавилона общее заключалось в том, что экономическим и политическим центром общины был храм. Возможно, настойчивые утверждения античных авторов о том, что в опустевшем Вавилоне остался лишь храм, объясняются своеобразной интерпретацией дошедших до греков и римлян известий о зависимости всего оставшегося в городе населения от храма. По всей видимости, Селевкиды сохранили привилегии вавилонских храмов. И античные, и клинописные источники свидетельствуют о неизменном покровительстве, которое цари оказывали храмам.

Урукская община отличается от общины более раннего времени, как и эллинистический полис от классического полиса V в. до н.э. Однако значение и в том и в другом случае имеет сохранение (пусть даже формальное) традиционных институтов, образа жизни и сравнительной этнической "чистоты", связанной с понятием гражданства. И полис, и храмовая община были довольно замкнуты. Условием существования этих коллективов была их автономия и внутреннее самоуправление, степень которого у общин была, возможно, выше, чем у полисов. Парфяне, лишившие полисы этой относительной автономии, по-видимому, также поступили и с вавилонскими храмовыми общинами, причем здесь их политика должна была быть гораздо более жесткой — ведь с греками, недавними правителями страны, парфянам приходилось считаться больше, чем с вавилонянами. При Аршакидах Урук превратился из преуспевающего города в незначительное поселение. Урукские храмы были сожжены в конце селевкидского — начале парфянского

периодов. Диодор рассказывает о парфянском наместнике Гимере, переселившем многие вавилонские семьи в другие области империи, и сжегшего храмы в Вавилоне. В произведениях поздних авторов встречаются туманные намеки на какие-то междоусобицы в городе и восстания вавилонян. Разрушение общины, гибель храмов, политика переселения вавилонян в другие области неизбежно должны были привести к растворению коренных жителей Вавилонии среди прочего населения страны — судьба, которая немного позже постигла и греков. Вавилоняне не исчезли как народ сразу же после прихода в страну парфян; по-видимому, еще целые поколения их потомков пытались сохранить свою этническую и культурную принадлежность. Однако процесс ассимиляции нельзя было повернуть вспять; его результаты видны в документах III в. н.э. из Эдессы: названия месяцев остаются вавилонскими, социально-политические термины — греческими, заметны следы греческой организации города, язык документов — сирийский. С конца II в. н.э. (а скорее всего гораздо раньше) среди жителей Вавилонии уже нельзя было выделить греков и вавилонян.

Глава III — "Языки и культура селевкидской и парфянской Вавилонии". Раздел I. "Греческий язык в Вавилонии".

Роль греческого языка в полисах Вавилонии можно проследить на примере текстов из Дура-Эвропос. Жители города вплоть до конца II в. н.э. смогли сохранить правильный греческий язык, при этом, как и следовало ожидать, несколько старомодный. Большое значение для сохранения чистоты греческого языка имела обособленность греков от окружающего населения и система образования, которая в полисах была традиционно греческой. В эпоху эллинизма греческий язык в качестве языка администрации и делопроизводства вытеснил арамейский. Эти же функции оста-

ются за ним и в парфянское время. Греческим языком, вероятно, пользовались Аршакиды и их придворные. Однако широкое распространение греческого языка, сохранение греческих названий должностей и назначение греков на некоторые из них говорит не об эллинофильских настроениях парфян, как полагал М. Ростовцев, а о том, что Аршакиды почти целиком переняли у Селевкидов налаженную ими административную систему. Именно поэтому они сохраняют чиновников-греков и греческий язык в качестве языка права и администрации. Парфяне были заинтересованы в греках, в их квалификации, а следовательно, вынуждены считаться с ними. В парфянское время греческий язык стал письменным языком Вавилонии, во всяком случае, высших слоев ее населения. Документы, посвященные и хозяйственные надписи и даже письма, авторы которых не были греками, написаны по-гречески.

В Уруке и Вавилоне греческий язык использовался в сфере администрации: сделки, облагавшиеся налогом в пользу царской казны, регистрировались на пергаменте (возможно, по-гречески), но даже если документ составлялся в клинописи, копия могла быть сделана на коже. Возможно, урукские писцы на пергаменте пользовались греческим языком или, по крайней мере, греческим алфавитом.

В клинописных текстах из Урука и Вавилона засвидетельствован ряд греческих слов, заимствованных в аккадский язык: диойкет, эпистат, простат, статер, ἔστυλον (здесь — "печатать"), $\chi\sigma\alpha\chi\acute{\iota}$ (документ) и некоторые другие, отождествление которых более гипотетично. Все заимствования из греческого в аккадский относятся к сфере администрации — именно в этой области, по-видимому, в первую очередь выразилось воздействие греков на вавилонян. Вавилонские храмовые общины в селевкид-

ское время находились под строгим контролем греческой администрации. Основной целью этого контроля было, вероятно, создание четкой системы налогообложения.

Раздел 2. "Аккадский язык".

Весьма распространенное представление о том, что аккадский язык задолго до установления господства Селевкидов превратился в язык науки, культа и права, в повседневной же практике жителей Вавилонии был полностью вытеснен арамейскими, не находит подтверждения в клинописных текстах селевкидского времени. В вавилонских общинах аккадский язык продолжал служить в качестве разговорного и при Селевкидах. На это указывают отклонения от фонетических и грамматических норм литературного вавилонского в текстах селевкидского времени, разница между традиционным, исторически обусловленным написанием слов и их реальным произношением, нестандартные фразы в контрактах, свидетельствующие о том, что писец владел не только заученными обязательными формулами, и, наконец, частная переписка на этом языке. Вероятно, аккадский язык гибнет лишь с гибелью вавилонской храмовой общины, с концом обособленности вавилонян.

О жизнеспособности аккадского языка в селевкидское время говорят тексты Graeco-Babyloniaca, которые представляют собой таблички, обычно содержащие на лицевой стороне фрагменты клинописных литературных, культовых и лексикографических текстов, на оборотной — транскрипцию этих текстов греческими буквами. Именно эта транскрипция свидетельствует о разнице между традиционным написанием текстов и их произношением в позднеаккадском языке. Большинство табличек было составлено в целях обучения. Тексты Graeco-Babyloniaca исследовались с точки зрения фонетики позднеаккадского языка, однако не менее важен

другой вопрос: кто и с какими целями писал аккадские тексты греческими буквами? Издатели этих текстов (Пинчес, ван дер Мер, Солльберже) были уверены в том, что составителями их были греки, изучавшие аккадский язык. Против этого прочно укоренившегося в науке представления выступил И.Эльснер, заметивший, что нет оснований ожидать от завоевателей подобного интереса к языку покоренного ими народа, да еще в столь позднее время, когда вавилонская культура окончательно угасает. Гораздо больше оснований, считает Эльснер, видеть в авторах табличек вавилонян, которые в эллинистическое время начинают использовать греческий алфавит для нужд аккадского языка.

Предположение Эльснера подтверждается весьма важной деталью, на которую до сих пор не обращали должного внимания исследователи: отсутствием греческого перевода этих текстов. Их составители, следовательно, не изучали аккадский язык, они уже знали его, проблему для них представляла именно система письма — клинопись. Остроумная гипотеза Эльснера не объясняет, однако, цели составления этих текстов. С точки зрения автора предлагаемой работы, оборотная сторона таблички могла представлять собой транскрипцию, необходимую самим носителям аккадского языка, которым уже было трудно читать клинописный текст. Составитель таблички производил, по сути дела, ту же работу, которую делает сегодня любой ассириолог, передающий клинописный текст латинскими буквами. Еще больше эти тексты похожи на транскрипцию, широко применяющуюся, например, в современном английском языке, где существует весьма ощутимый разрыв между написанием и произношением слова. Если авторами табличек были вавилоняне, то в этих текстах можно видеть свидетельство того, что они уже плохо понимали клинопись. Однако клинопись была

для вавилонян символом и формой существования вавилонской культуры, поэтому, если первые попытки писать по-аккадски греческими буквами могли относиться уже к селевкидскому времени, то более широко греческий алфавит начинает применяться для передачи аккадских текстов, скорее всего, в парфянское время, когда гибнет вавилонская храмовая община и все свойственные ей учреждения и традиции, и вавилонянам приходится приспосабливаться к новой обстановке.

Раздел Э. "Греческие сюжеты печатей из селевкидской Вавилонии". Вавилоняне в селевкидское время оставались верны традициям своего искусства, однако в области малых форм заметно влияние греческого искусства на вавилонское. Печати с греческими сюжетами были популярны среди урукской элиты, в других отношениях, по-видимому, мало подвергшейся эллинизации.

Заключение. В заключении подведены итоги работы.

В приложении I приведен список всех известных греков из селевкидской и парфянской Вавилонии. Приложение II содержит транслитерацию и перевод единственного известного письма из селевкидского Урука. Приложение III представляет собой краткий очерк, посвященный влиянию Вавилонии на греческую науку эллинистического времени и вавилонским сюжетам в позднегреческой литературе.

Основные положения диссертации изложены в следующих работах:

1. Греки в эллинистической Вавилонии (по данным просопографии) // ВДИ, 1985, № 4, с.155-175.

2. Письмо из селевкидского Урука (К вопросу о "смерти" аккадского языка) // ВДИ, 1987, № 4, с.132-141.

РГЭ.3.122.Т.110.4.03.88. Бесплатно.